

УДК 340.132

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ

И. Л. Вершок

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена определению правовой неопределенности. Рассматриваются вопросы преодоления правовой неопределенности и ее связь с юридическими коллизиями и пробелами в праве. Изменения в правовом сознании и правовой культуре изучаются как фактор неопределенности в праве.*

***Ключевые слова:** правовая неопределенность, правовое сознание, правовая культура, коллизии в праве, пробелы в праве.*

***Annotation.** The article is devoted to the definition of legal uncertainty. The issues of overcoming legal uncertainty and its connection with legal conflicts and gaps in the law are considered. Changes in legal consciousness and legal culture are studied as the factor of the legal uncertainty.*

***Keywords:** legal uncertainty, legal consciousness, legal culture, conflicts in law, gaps in law.*

В настоящее время в юридической научной литературе появляются работы, касающиеся проблем правовой неопределенности, причем некоторые исследования относятся к теоретико-правовым с присущей им методологией, а ряд изысканий имеют прикладной характер и направлены на совершенствование практики правотворчества и правоприменения.

С общетеоретических позиций феномен правовой неопределенности рассматривается в контексте разных типов правопонимания, которые сами по себе в значительной степени снимают неопределенность при уяснении сущности права либо, наоборот, ее увеличивают. Однако в настоящее время «общество все более остро ощущает глубину потрясений и ошибок, нарастание неопределенности и “устойчивости фактора случайности”. Вектор отклонений от правовых взглядов, теорий, принципов и норм расширяется» [1, с. 14]. В связи с этим происходящее в настоящее время распространение различных направлений интегративного типа правопонимания, нацеленных на углубление познания природы и сущности права, вместо полного снятия правовой неопределенности зачастую допускает появление ее различных уровней.

Неопределенность в праве проявляется также в происходящей в процессе правового сознания объективации и сигнификации оценочных понятий и правовых принципов. В случае если такая неопределенность не превышает формально закрепленных границ, правовое регулирование приобретает более динамичный и гибкий характер. Для этого устанавливаются не столько юридические, сколько традиционные, моральные, религиозные механизмы регулирования правового поведения субъектов реализации правовых норм.

Феномен правовой неопределенности рассматривается не только в позитивном смысле. Чаще всего, особенно на практике, термин «правовая неопределенность» звучит с негативным вектором оценки, подразумевающим дефекты в сфере правотворчества или правоприменения, когда происходит техническое нарушение признака формальной определенности правовой нормы. При этом проявления неопределенности могут иметь различные формы. Так, может присутствовать неопределенность в языковой форме, проявляющаяся в качестве деформаций в построении правовых норм. Правовая неопределенность также выражается в логической форме при несоблюдении требований формальной логики в процессе текстового выражения правовой нормы, например, непоследовательность в терминологии. В случае если текст нормативного правового акта неправильно структурирован, констатируется наличие графической формы правовой неопределенности [2].

Однако практически во всех упомянутых выше случаях природа правовой неопределенности может быть эффективно изучена как специфическое проявление правосознания. При этом наличие правовой неопределенности не следует связывать с констатацией низкого или недостаточного уровня правового сознания субъектов правотворчества или правоприменения либо их низкой правовой культурой. Необходим более глубокий объективный анализ проявлений правовой неопределенности как причины и результата выражения правового сознания и качественных параметров соответствующей правовой культуры.

Характерно, что в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 года [3] закреплено легальное определение правовой неопределенности как отсутствия ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения. Уже сам факт появления дефиниции правовой неопределенности на уровне закона свидетельствует о необходимости более глубоких теоретико-прикладных исследований ряда явлений, связанных с выявлением и устранением правовой неопределенности в белорусской правовой системе.

Как уже указывалось, легальное определение правовой неопределенности сводится к «отсутствию ясности, точности и логической согласованности норм права», что влечет «возможность неоднозначного понимания норм права», имеющую негативные юридические последствия в виде «неединообразного применения» таких норм. Таким образом, появление правовой неопределенности фактически связывается с процессом правового сознания, проявляющегося в виде правильного восприятия, но дальнейшего неоднозначного, двойного понимания правовых норм, называемого «отсутствием ясности». Причем не указывается, в отношении кого такая неоднозначность подразумевается — для правоприменителя со свойственным ему процессом профессионального правосознания либо для любого субъекта реализации правовых норм. Результатом правовой неопределенности в Законе «О нормативных правовых актах» фактически признается такое проявление правовой культуры, которое выражается в неединообразном применении правовых норм. Следует обратить внимание, что здесь уже делается отсылка только к правоприменительной практике, предполагающей лишь профессиональное правосознание субъекта правоприменения.

Закрепленная на легальном уровне дефиниция правовой неопределенности не дает четких оснований для выявления и изучения причин данного явления. Однако «общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений» [4, с. 65], поэтому представляется существенным найти реальные причины правовой определенности и сигнифицировать их. Ведь в настоящее время законодатель связывает возникновение правовой неопределенности не только с появлением пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, но видит ее причины и в других факторах. Это выражается в логически открытой, незавершенной языковой конструкции, содержащей перечисление причин неопределенности в виде коллизий и пробелов, производимое только после слов «в том числе». При этом преимущественно доминирует узкое, используемое в основном в негативном смысле понимание термина «правовая неопределенность», в большей степени относящееся к правоприменительной практике и соответствующим ей процессам правосознания.

Однако как социально-правовое явление правовая неопределенность имеет более широкое значение и как все социальные явления может характеризоваться в позитивном и негативном контексте. Уже сам факт наличия легального закрепления и доктринальных исследований правовой неопределенности свидетельствует о тенденциях в изменении процесса правового сознания и, соответственно, о новых проявлениях правовой культуры.

В общем словарно-справочном значении неоднозначность подразумевает ситуацию, в которой правовой норме дается более одного толкования. Таким

образом, в Законе «О нормативных правовых актах» результат правовой неопределенности сводится к разному (в количестве более одного) фактическому содержанию правовой нормы, объективированному в результате ее толкования, а именно — в процессе восприятия, осмысления (уяснения) и выражения (разъяснения) смысла правовой нормы. При этом не проводится грань различия между пространственно-временными рамками такого разъяснения, установленными в отношении правотворчества либо правоприменения. Однако необходимо учитывать, что такое разграничение предполагает совершенно разные механизмы и виды правосознания. Так, при наличии коллизий и пробелов предполагается появление правовой неопределенности уже в результате столкновения правоприменителя со случаем конфликта отдельных правовых норм либо вообще отсутствия необходимого правила поведения. Процесс правосознания будет иметь преимущественно функцию отражения коллизионной или пробельной правовой действительности и соответствующих правил по преодолению произошедшего.

В ином случае неопределенность может быть выражена в таком отсутствии ясности, которое потенциально — в ближайшей или отдаленной перспективе — вызовет неоднозначность проектируемой правовой нормы при возможном регулирующем воздействии других социальных норм на это же общественное отношение. Здесь неопределенность ориентирует на предвидение и прогнозирование последствий и оптимальности возможного, но еще не состоявшегося по определенной причине правового регулирования. Снятие правовой неопределенности предполагается не столько на основе отражательной функции правового сознания субъектов правоприменения, сколько на прогностической функции правового сознания участников правотворчества.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Во-первых, происходящие в настоящее время изменения в юридической теории и практике привели к тому, что феномен неопределенности не является единичным и редким случаем. Причиной его проявления признается уже не столько факт пробельности или коллизионности отдельной нормы права. Причем если раньше пробелы и коллизии представлялись единичными и не связанными друг с другом явлениями, то сейчас легально закреплена их связь с наиболее общей категорией «правовая неопределенность», имеющей родо-видовое качество. Для уяснения динамики правовой неопределенности предлагается следующая причинно-следственная цепочка, выявляемая формально-логическим методом из ранее приведенной легальной дефиниции: наличие пробелов в законодательстве (правовом регулировании) или коллизии нормативных правовых актов → отсутствие точности и логической согласованности норм права → отсутствие ясности правовой нормы в процессе правосознания на стадиях восприятия и

осмысления → возможное неоднозначное понимание норм права в процессе правосознания на стадии выражения → возможное неединообразное применение правовой нормы.

Во-вторых, с расширением границ правового регулирования и с необходимостью постоянной ревизии метода правового регулирования в связи с происходящими изменениями в его предмете, правовая неопределенность проявляется в настоящее время и как объективно необходимый инструмент, способствующий наиболее эффективному поиску оптимальных границ и методов правового регулирования. В связи с этим факт появления легального термина правовой неопределенности может отразиться на развитии практики использования правовой неопределенности в качестве инструмента правового регулирования (именуемого иногда как «простительный пробел») еще нестабильных, окончательно не устоявшихся общественных отношений.

Действительно, природа юридических правил состоит в их абстрактном характере, основанном на обобщениях, что является главным условием юридического регулирования. Кроме этого, неопределенность элементов нормы составляет условие свободы выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правоприменения вариантов решения. Правовая неопределенность в данном случае позволит учитывать особенности и динамику развития общественных отношений [2, с. 45–46].

В таком случае правовая неопределенность может проявляться в качестве одного из возможных средств правового регулирования, используемого субъектами нормотворческой деятельности или процесса с целью придания такому регулированию свойств динамизма и эффективности путем предоставления определенной законом свободы усмотрения правоприменителя. Указанное средство правового регулирования допускается в случае наличия диспозитивного метода правового регулирования общественных отношений, регулирование которых потенциально обладает определенной степенью правовой неопределенности.

В-третьих, особый практический интерес представляет вопрос о пространственно-территориальных границах правовой неопределенности и, соответственно, времени, границах и способах ее снятия. Причем, как указывалось ранее, на законодательном уровне урегулирована только проблема устранения и преодоления коллизий и пробелов.

В связи с этим требует дополнительной доктринальной разработки, имеющей также и высокое практическое значение, вопрос о пространственно-территориальных границах допустимой правовой неопределенности, а также о путях и способах снятия недопустимой правовой неопределенности. Процедуры снятия такой неопределенности потребуют реализации процесса правосоз-

знания на профессиональном уровне. Необходимы различные технико-правовые мероприятия, связанные в большей степени с повышением правовой культуры субъектов нормотворческого и правоприменительного процесса, а также процесса толкования правовых норм.

1. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Инфра-М, 2018. 240 с. [Вернуться к статье](#)
2. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности. М. : ИНФРА-М, 2016. 176 с. [Вернуться к статье](#)
3. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Н11800130&p1=1> (дата обращения: 03.03.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. [Вернуться к статье](#)